

УДК 316.776.33

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ БИФУРКАЦИЯ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

А. К. МАМЕДОВ¹⁾

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, 119234, г. Москва, Россия

Анализируются широкие варианты цивилизационного развития стран Ближнего Востока. Приводятся различные предложения, концепции исследователей и мыслителей. Рассматривается опыт прошлых веков, определяется вероятность применения альтернативных решений в условиях современности. Проводится мысль об уникальности историко-цивилизационного развития Ближнего Востока. Раскрываются параметры поиска вариантов социального развития стран Ближнего Востока.

Ключевые слова: бифуркация; глобализация; идеология; ценностные ориентиры; национальная идентичность; глобальная цивилизация; исламское цивилизационное пространство; исламизация модерна; цивилизационные сдвиги.

CIVILISATIONAL BIFURCATION OF THE GREAT MIDDLE EAST

A. K. MAMEDOV^a

^aLomonosov State Moscow University,
1 Leninskiye Gory, Moscow 119234, Russia

The main attention of the work is paid to the analysis of possible options for the civilisational development of the countries of the Middle East. Various proposals, concepts of researchers, thinkers are presented, but the main emphasis is on considering the consequences of the introduction of certain alternatives, including the experience of past centuries, as well as the possibility of using alternative solutions in modern conditions. The article discusses the idea of the uniqueness of the historical and civilisational development of the Middle East. The parameters of the search for options for social development are revealed.

Keywords: bifurcation; globalisation; ideology; value orientations; national identity; global civilisation; Islamic civilisation space; Islamisation of modernity; civilisational shifts.

Обоснование проблемы. Актуальность темы настоящей работы обусловлена тем, что особую значимость в глобализирующемся мире приобретает Ближний Восток, роль которого в мировом сообществе предопределена, помимо прочего, зарождением на его землях авраамических религий и существенного пласта мировой культуры. Те, кто

не знает (или сознательно игнорирует) истинную историю региона, обречены на его предвзятое и схематичное восприятие. В данном случае уместным будет высказывание немецкого ученого Ф. Шлегеля: «История – это пророк, смотрящий в прошлое». С этими словами перекликается парадоксальное выражение Ф. Кафки: «Сегодня – это завтра вчера».

Образец цитирования:

Мамедов А.К. Цивилизационная бифуркация большого Ближнего Востока. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;1:46–51.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-46-51>

For citation:

Mamedov A.K. Civilisational bifurcation of the great Middle East. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;1:46–51. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-46-51>

Автор:

Агамали Куламович Мамедов – доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета.

Author:

Agamali K. Mamedov, doctor of sciences (sociology), full professor; head of the department of sociology of communication systems, faculty of sociology.
akmnauka@yandex.ru

Именно вечно прочитываемый контекст самой истории формирует актуальную повестку дня социальной реальности.

Со времен И. Гердера и неокантианцев осознание исторического пути развития цивилизации опирается на ценностную оптику, т. е. на телеологический ракурс. В XXI в. (на этот период пока трудно смотреть с исторической точки зрения) многие некогда модные социальные теории оказались недолговечными. Исторической санации были подвергнуты различные теоретические конструкты, в том числе концепция деидеологизации.

Недавние тектонические подвижки на Ближнем Востоке заново доказали, что в современном мире конкурентоспособны только имеющие идеологическую подоплеку политические процессы с таргетированными ориентирами, внятыми и принимаемыми большинством призывами. Именно идеологизированность придает политическим движениям как так называемую стигму (маркировку), так и устойчивость, предсказуемость общественных трендов¹ [1, р. 42].

Задачи, стоящие перед мировым сообществом. Научный дискурс, способный четко охарактеризовать процессы на Ближнем Востоке, в настоящее время не оформился. В связи с этим панорама оценок происходящего в данном регионе не таргетирована, обширна и аморфна. Нечеткость контуров научной оптики не способствует фреймированию процессов. Диапазон научной маркировки достаточно широк – от исламских революций до заговора внешних врагов. Человечество уже давно и неизбежно нуждается во всеохватной цивилизационной переделке, поэтому архаичная (прежде казавшаяся устойчивой) схема мироустройства не вписывается в динамику быстрой истории и не соответствует современным вызовам. Решить проблемы демографии, экономики, религии невозможно в прокрустовом ложе тех идеологов и структур, которые сложились в прошлые века. Инструменты научного анализа не отвечают реалиям нового времени. На мировой арене появились региональные игроки, обладающие серьезным потенциалом: Турция, Саудовская Аравия, Иран, страны Персидского залива и Азербайджан, которые инкорпорируются в эти реалии с молодым и динамичным человеческим капиталом.

Тенденция неравномерности развития разных стран, на которую указывал еще В. И. Ленин, привела к тому, что международные договоры, заключенные ранее, не способствовали решению всех существующих проблем, поскольку не отражали и не учитывали изменившиеся условия в регионах. Эти договоры порой основывались на принципе *за них, но без них* и отражали интересы «бывших патронов»,

которые наспех проводили границы в этом лоскутном и кишасшем этноконфессиональном поле. Таким образом возник барьер для внедрения новых региональных проектов, например планов М. Каддафи по ирригации Северной Африки, обеспечении продовольственной безопасности и золотому динару.

В силу глубинных преобразований исторического процесса человечество предстало перед идейно неопределенными новыми вызовами, заключающимися в том, что социальные катаклизмы глобальной деревни, оказавшейся на обочине мирового мейнстрима, могут обернуться тотальной войной всех против всех, о которой писал еще Т. Гоббс, но теперь, в XXI в., это выглядит уже более катастрофично. Причина кроется не только в наивном контенте столкновения цивилизаций С. Хантингтона [2, с. 29–33], но и в понимании того, что любая односторонняя (однонаправленная – по Хазанову) схема с технологией метафорического подхода и суженной оптикой будет неполноценной, так как она не позволяет раскрыть всю системность трагичного, полноту и масштаб событий на Ближнем Востоке. Опыт социальной науки XX в. показывает, что яркие и принимаемые большинством модные концепции, как правило, недолговечны и проживают век «любви цыганской корочке» (А. Блок «К Музе»). Тренды, в свою очередь, отнюдь не имеют радужных социальных перспектив, ибо наступает эпоха хаотичных разломов. В богатейшем (не только энергетическими ресурсами) регионе никак не сформированы принимаемые и, главное, одобряемые (что особенно важно для этой территории) всеми властные институты; не актуализированы и не фреймированы идейные ориентиры, значительная часть населения пребывает в состоянии социальной агнозии [3, р. 17]. Хаос, как системное явление, подавляет робкие зачатки гражданского самоуправления, жесткая авторитарная система власти, как оказалось, имеет еще сильный потенциал. Трагизм исторического промысла состоит в том, что результаты этих баталий прямо противоположны изначальным лозунгам и целям. В итоге арабская весна оказалась весьма неудачным социальным мегапроектом, и победоносное ее шествие по региону не просматривается.

Таким образом доказывается тезис о том, что «революция, как гидра, пожирает собственных детей», причем чаще всего самых перспективных и одаренных. Наблюдается повторяющаяся из века в век тенденция: боролись «одни политические силы, а к власти “прицепом” пришли (по Бисмарку) совершенно иные» [4, с. 205].

Часто диаметрально противоположные, совершенно непримиримые социальные движения спон-

¹Здесь и далее перевод наш. – А. М.

сируются одним и тем же «патроном», управляются из одного центра, что бесспорно заканчивается простой политической мимикрией правящей элиты.

Данную тенденцию можно наблюдать не только в арабской весне, но и во всех цветных революциях, при этом народы не осознают трагизма происходящего – потерю исторической идентичности и роли социального актора в своей стране [5, р. 30].

В результате инсургенты и манипуляторы нередко из-за идеологической диффузности взглядов, их дискретности при совершенно противоположных задачах вступают, однако, в неудобоваримые тактические конвексии и создают основу для будущих сражений.

К сожалению, история учит тому, что ничему не учит. Из прошлого часто берется «пепел, а не огонь» (Ж. Жорес). Русский философ Н. Бердяев считает, что революции в целом успешными не бывают, они всегда приводят к противоположности. Такое коренное преобразование, как уход социализма с мировой арены (по мнению автора настоящей статьи, не навсегда), создало, скорее, иллюзорное, а следовательно, ложное, не соответствующее социальной динамике представление о линейном развитии цивилизации. Западная элита уверена в том, что данный процесс теперь будет протекать без конвергенций и диффузии социальных технологий. Некоторые аналитики (в духе раннего позитивизма) говорили и вовсе о «конце истории» (Ф. Фукуяма), так как либерализм, по ощущениям (без научной рефлексии) западной элиты, «одержал полную и окончательную победу», а «глобальный менеджери́зм» – новая «вековечная» элита [6, р. 9–14]. В свете этих постулатов определяется единственная цель – перенос (простейший и бесспорный) либеральных (имеется в виду атлантических) ценностей на весь мир.

Альтернативы. Возникло одно неожиданное, но закономерное последствие ухода социализма с мировой арены. Вместо социализма в качестве альтернативы капитализму, который есть не что иное, как двигатель, процесс и результат конкуренции, возникли новые, не подвергшиеся пока интеллектуальной санации идеологические антиподы капитализма: «агрессивный сепаратизм, новый национальный радикализм, экстремизм, фундаментализм» [4, с. 204]. Гегелевская феноменология духа актуальна до сих пор, системность как исторического процесса, так и исследования истории неоспоримы.

К сожалению, то мировое пространство, которое 30 лет уныло зовется постсоветским, уже или еще не создает полновесной идейной альтернативы Западу. Раньше, до распада СССР, лучшие умы Европы разделяли социалистические идеи или опровергали их, но эти идеи были в повестке всего мирового социума. Они были понятны и востребованы, актуа-

лизированы в общественном мнении. В полемике с левым дискурсом формировалась научная теория исторического развития. В настоящее время трудно представить шкалу научности в тех дискуссиях.

Начиная с 1970-х гг. в силу различных причин ученые постсоветских государств перестали быть центром новой мысли и начали стремиться с упорством, достойным лучшего применения, «влезть в последний вагон гедонистической (чувственной) цивилизации» [2, с. 27].

В некоторых моментах ученые бывшего СССР так преуспели, что даже опередили Запад, стали его чуть ли не самым прилежным эпигоном. Включение в Программу КПСС тезиса о всемерном удовлетворении потребностей трудящихся вывела СССР в авангард потребительства. В итоге потребности стали индивидуальными, а форма собственности оставалась общенародной. На первый план выходил не производитель и даже не потребитель, а распределитель со своей мелкой душой и ограниченным жизненным миром.

Они (горе-распределители) и стали формировать «новые песни нашего двора» (разумеется, в модуле вечного потребительства). Вследствие чего появились апатия и эрозия гуманных ценностей. В бессмертной комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» ярко проиллюстрировано положение застойных лет. Прав великий писатель: нельзя было обижать «княгиню Марью Алексевну».

Важным является не столько заполнение идейного вакуума, сколько отсутствие возможности не породить гедонистической цивилизацией, ориентирующейся на комфорт и удовольствие как жизненные приоритеты, свой антипод – фундаментализм, радикализм, экстремизм и т. п. Они возникают в качестве «естественной реакции на усталую цивилизацию» [7, р. 183].

Перспективы. Следуя прогностическому анализу, необходимо констатировать, что к идее «наведения порядка» (социального или культурного) неизбежно приводит в апогее закономерное развитие чувственной цивилизации, так как она сама «порождает необходимость в идее» [8, с. 184]. Трагичность истории заключается также в том, что данная цивилизация влечет за собой и другие не менее острые проблемы: закономерное сужение рынков сбыта, появление новых номадов, осознаваемую всеми исчерпаемость ресурсов. Современный исторический этап развития все отчетливее напоминает американские горки, где кризисы трансформируются в кризис-матрешку с новыми, порой совершенно неожиданными сторонами и результатами. Все эти метаморфозы будут существовать до тех пор, пока человечество не осознает, что наступил системный цивилизационный кризис, бифуркационный этап эволюции, вследствие которого разрушится вся парадигма ценностей, порожденная идеей

одномерного праздного человека с доминантной концепцией потребления.

Все это напрямую коррелируется с Ближним Востоком, где, по существу, решается «вопрос о конце нефтяной эры», нефтяной цивилизации, в которой углеводородные и иные богатства воспринимаются как «априорно или свыше определенные по статусу собственностью лишь элиты» [9, с. 5]. Монопольное владение и распоряжение природными богатствами вряд ли совместимы с новой динамикой.

Вопрос о предстоящем в ближайшем времени окончании нефтяной эры (и это, бесспорно, не секрет полишинеля) будоражит не только сознание европейцев, но и умы местного, весьма обеспеченного ближневосточного истеблишмента, настоятельно требующего другого, более справедливого передела наличествующего углеводородного ресурса. В связи с этим насущной оказывается потребность в социальных преобразованиях, т. е. переделе собственности, при котором, как правило, возникают точки бифуркации. В данном случае уместно будет провести аналогию с дореволюционной Россией. Известно, что передел земельных участков, происходивший каждые 12 лет (например, в 1905-х, 1917-х гг.) приводил к социальному взрыву. Следствием этого на фоне обесценивания идей левого дискурса становится возникновение альтернативных парадигм перераспределения, которые зиждутся на фундаментальных религиозных ценностях: равенстве и справедливости как «маркерах новой надежды и нового грядущего социального порядка» [9, с. 23].

Однако до сих пор весь мир, основанный на владении сырьевыми ресурсами и компрадорском капитале, расплачивается общественными потрясениями, кризисами за научно-технический застой, который привел, кроме всего прочего, к устареванию всех политических процессов. Динамическое развитие экономической сферы на удивление продолжительное время соседствует с трайбализмом, клановостью и закостенелостью социума. Возникла колоссальная диспропорция в творческом потенциале молодежи и возможностях его реализации [5, р. 27]. Большинство населения на Ближнем Востоке составляют молодые люди (например, в Палестине это 45 % от общего количества жителей). Вместе с тем новое поколение не имеет легального доступа к богатствам своей страны.

Многие аналитики предполагают, что в ближайшие 30 лет «количество безработных в данном регионе подойдет к 100 млн человек, вместе с тем дефицит в кадрах высшей квалификации превысит 30 млн. Количество молодежи, приобщенной к интернет-пространству в крупных странах региона, превысило пороговые 60 %, следовательно, появились каналы ретрансляции иных ценностей» [4, с. 203].

Помимо вышеперечисленного, есть также молодежь, получившая хорошее западное образование и приобщившаяся к иным культурным ценностям.

Интернет, по мнению исследователей, «расширил жизненный мир, ввел в непрерывный межкультурный глобальный диалог, который никак не стыкуется с косной системой социального управления, с трайбалистской системой распределения общественного блага» [1, с. 41].

Так, немецкий ученый Г. Хайнзон вывел формулу социальной нестабильности: на основе простого подсчета определяется соотношение процента мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет к мужчинам в возрасте от 40 до 44 лет. Показатель менее 80 % свидетельствует о начале демографического сбоя (как в Европе, Японии, России). При этом данное соотношение в Афганистане равняется 403 %, Ираке – 351 %, Сомали – 364 %. Социальный драйв появляется в странах, где юноши от 15 до 29 лет составляют более трети населения [10]. Причины такого драйва, как и знамя (религия, национализм, маоизм, троцкизм или сепаратизм), т. е. то, во имя чего вершится насилие, вовсе не существенны. Социум кипит, часто не зная, почему это происходит. Вторые или третьи сыновья требуют справедливого распределения, а десятиные, не понимая причин случившегося, просто выходят на баррикады, свергают режимы. «Политическая же элита стран Ближнего Востока не учла этого драйва, не уловила эти тренды» [3, с. 11].

Причины. Происходящие трансформации трендов в сознании социума не подверглись рефлексии в полной мере. Устойчивость диктаторских режимов представлялась полноценной гарантией от ветров перемен, при этом автаркия, являясь в массовом сознании единственной и предназначенной свыше ценностью, находилась в конфронтации с динамикой. Однако эти представления не соответствовали действительности. К удивлению элиты, «носителем, формой и кодом трансляции драйва оказался исламский фундаментализм» [4, с. 205], который долгое время находился под прессингом авторитарных режимов в такой же мере, как и демократические движения. Эти два направления (исламский фундаментализм и демократические движения) неожиданно «оказались в одной и той же матрице» маргинальных течений [10, с. 51].

На Ближнем Востоке возникла парадоксальная ситуация: у демократии и фундаментализма оказалась общая цель – свержение авторитарных диктаторов-консерваторов. Это можно назвать так: «Вместе биться, врозь идти» [10, с. 53]. Звучит необычно, но в истории Ближнего Востока бывали и не такие временные союзы. Запад же, находящийся «в плену своих однобоких и устаревших “исторических заблуждений”, ставит зачастую лишь только на одну из этих составляющих» [9, с. 88]. В очередной раз Запад пытается навязать иной цивилизации свои отжившие идеологемы и оптику исследования. Объясняется это тем, что он надеется на то, что после демократических выборов на место, к примеру, диктаторской власти придет более народная мобильная демократия (понимаемая, конечно же,

как европейская), современная, менее коррумпированная и клановая. Однако все более зеленеет парус арабской весны, начальные демократические лозунги сменяются фундаменталистскими к вящему ужасу спонсоров и манипуляторов.

В результате того, что веками не решается большой комплекс всевозможных проблем, появляются все новые экстремистские и псевдорелигиозные течения. Запад, следуя прогнозам своего экспертного сообщества и СМИ, ждет реальных (в своем понимании) демократических изменений в этом многоконфессиональном и полиэтническом образовании (с этим связано общее мейнстримовое ожидание). На самом деле «вначале происходит столкновение с очень необычным симбиозом демократических и религиозных движений, что наводит на некие параллели с крестьянскими войнами в Европе XVI–XVII вв. (без сомнения, прав был Ф. Энгельс)» [8, с. 181]. Тогда в Европе под лозунгами протестантизма аккумулировалось крестьянское движение.

Закономерность. Таким образом, возникает некая закономерность: даже принципиально новые социальные движения обрамляются в уже знакомые «старые тоги». Прежние парадигмы институционализированы в общественном сознании и приняты социумом. Вследствие особенностей истории, имманентные (нередко и архаичные) религиозные институты в этих странах укоренены гораздо сильнее, чем привнесенные и часто навязанные структуры западного демократического гражданского общества. Теоретик левого дискурса Р. Гароди отмечал, что «в исламском мире не модернизируют ислам, они исламизируют модерн» [4, с. 204]. Такое симбиозное детище стало притягательной моделью для многих. Однако «как только открываются “шлюзы” и барьеры на пути к свободе, мы становимся свидетелями острой конкуренции двух сил – исламской и прозападной» [7, р. 79]. Не следует забывать, что для стран Ближнего Востока ислам не только выполняет традиционные религиозные функции, но и является единственным коммуникативным каналом и полем социального диалога. Незрелость, а следовательно, и неустойчивость институтов гражданского общества порождают религиозную монополию на все формы выражения социальных ожиданий.

Помимо этого, человечество является свидетелем слияния двух идейных потоков: становления национальной идентичности и нового исламского цивилизационного пространства. В общественном мнении идут титанические интеллектуальные поиски сложного поля, границ и способов выражения национальной и религиозной идентичности, особого пути развития, иной, не европейской, демократии в рамках большой исламской цивилизации.

Модель иного социального порядка. Исламская цивилизация в ее классическом дискурсе предложила принципиально отличную от Запада модель

социального устройства, основанную на трансцендентной воле и духовном порядке, подчиняющем человека. Коллективистская ценность семьи, рода, племени, общественная солидарность и индивидуальное самоограничение здесь ставятся и ценятся гораздо выше прав и интересов отдельной личности. И если до иранской революции 1979 г. это казалось анахронизмом или как минимум было не совместимо, то сейчас является почти глобальным ответом Западу.

На мусульманском Востоке другое прочтение культурного поля и интуитивное восприятие мира доминируют над рационалистическим подходом, здесь народам присуща имманентная любовь к действенному и обязательно сильному отцу – вождю, способному удержать молодой и бурлящий народ в этническом лоскутном котле. Если на Западе президента избирают на основе устоявшейся правовой демократической процедуры, то на Востоке считают, что правителем может быть избран тот, кто принят, признан и призван народным волеизъявлением, причем процедуры этого волеизъявления могут варьироваться весьма широко. Во многих случаях их рационализировать весьма сложно, но это выбор народа Ближнего Востока, его аутентичная социальная ткань. Палитра таких технологий масштабна, но имманентна национальной идентичности этих стран. По сути, идут выборы «выбранных». Надо помнить, что ислам на Ближнем Востоке, как правило, «воспринимается населением как форма, причем безальтернативная, сохранения самобытной идентичности в условиях “мерцающей реальности” глобализирующегося мира. В связи с этим меняется и расклад новых геополитических факторов, где вместо ставших уже традиционными [странами] США и Европы активную роль играют (или должны уже играть) Россия, Китай, Иран, Турция и другие новые акторы, не довольные или хотя бы не согласные с однополярным миром, отстаивающие свое цивилизационное право быть иными» [10, с. 53].

Как уже неоднократно подчеркивалось в публикациях автора данной статьи [4; 10; 11], на глазах человечества совершается изменение геополитической расстановки сил. Большое влияние на Ближний Восток оказывают те страны, которые не обременены так называемой колониальной памятью (Россия, Китай) и проявляют антиглобалистскую солидарность (Россия, Китай, Иран), а также провозглашают единство исламских геополитических ориентиров (Азербайджан, Казахстан, Турция, Иран, Пакистан).

Следует подчеркнуть, что в ближайшей перспективе наиболее вероятна цивилизационная бифуркация данного региона.

Итак, анализ материала по происходящим на Ближнем Востоке событиям подводит к заключению о том, что указанные выше трансформации имеют не спорадический, а системно-масштабный

характер. В связи с этим можно констатировать, что волнения, революция, беспорядки возникают из-за новых цивилизационных сдвигов, которые кратко можно охарактеризовать следующим образом:

1. Мир, который позиционируется многими как однополярный, уже утрачивает свой ресурсный потенциал, потому что не отвечает динамике тех процессов, которые отражены в новой дорожной карте мира и представлены широкой палитрой вариантов развития. Появляются новые центры идейного притяжения, и в первую очередь это страны с собственной идентичностью.

2. Человечество осознает ущербность гедонистической цивилизации, в связи с этим идет поиск элементов идеократических обществ. Все настойчивее ощущается необходимость новой идеи. Социум стремительно усложняется, он в принципе не может сводиться к простейшим одномерным технологиям и требовать иного системного управления, чем элиты с присущей им коррупцией, а также закрыто-

стью. И мир в целом, и каждая страна в отдельности нуждаются в социальном диалоге [4].

3. Стремительный рост народонаселения, появление значительного молодежного слоя не могут долгое время ужиться с устаревшими политическими структурами. Глобальная деревня требует управления совсем другими, чем были раньше, коммуникационными институтами. Онлайн-пространство рождает новое поле для социальных технологий, создается технология «опосредованной виртуальной агрессии», так называемые твиттер-революции и т. д. [4].

Из этого проистекает непреложный постулат бытия человечества: в будущем мир должен находить «альтернативные, принципиально иные социальные технологии проживания в новой глобальной цивилизации» [10, с. 54]. Пандемия 2020 г. показала, насколько хрупок мир и как необходима сплоченность в решении общечеловеческих проблем.

Библиографические ссылки

1. Kaplan MA. Commentary: why there is no route to mideast peace. *International Journal on World Peace*. 2012;29(1):41–44.
2. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Королев К, редактор; Велимеев Т, Новиков Ю, переводчики. Москва: АСТ; 2003. 640 с. Совместно с издательством «Terra Fantastica».
3. Özkan B. Relations between Turkey and Syria in the 1980's and 1990's: political islam, muslim brotherhood and intelligence wars. *Uluslararası İlişkiler*. 2019;16(62):5–25. DOI: 10.33458/uidergisi.588893.
4. Мамедов АК. Ближний Восток: цивилизационный разрыв в контексте социокультурного диссенсуса. В: Гезалов АА, Мамед-заде ИР, редакторы. *Диалог культур и вызовы современной эпохи*. Москва: Канон-Плюс; 2019. с. 200–207.
5. Davenport K. UN Acts on Mideast Zone Amid Doubts. *Arms Control Today*. 2015;45(10):27–29.
6. Broder J. Unfinished Mideast Revolts. *The National Interest*. 2012;119:49–54.
7. Garaudy R. *Promesses de l' Islam*. Paris: Seuil; 1981. 179 p.
8. Энгельс Ф. *Крестьянская война в Германии*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1952. 184 с.
9. Барнетт Р. Осмысление университета. В: Гусаковский МА, Полонников АА, Корбут АМ, составители, редакторы. *Теоретические вопросы образования* [CD-ROM]; Минск: БГУ; 2013. с. 5–30. CD-ROM: 2,86 Мб.
10. Мамедов АК. Парадоксы глобальной безопасности: Ближний Восток. *Теория государства и права*. 2018;4:50–54.
11. Мамедов АК, Писарева ЛЮ. Глобализация как проект постмодерна: социологическая оптика. *Теория государства и права*. 2019;4:85–95. DOI: 0.25839/MATGIP.2019.16.4.011.

References

1. Kaplan MA. Commentary: why there is no route to mideast peace. *International Journal on World Peace*. 2012;29(1):41–44.
2. Huntington S. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. [S. l.]: Simon & Schuster; 1996. 367 p. Russian edition: Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Korolev K, editor; Velimeev T, Novikov Yu, translators. Moscow: AST; 2003. 640 p. Co-published by the «Terra Fantastica».
3. Özkan B. Relations between Turkey and Syria in the 1980's and 1990's: political islam, muslim brotherhood and intelligence wars. *Uluslararası İlişkiler*. 2019;16(62):5–25. DOI: 10.33458/uidergisi.588893.
4. Mamedov AK. The Middle East: the civilizational gap in the context of sociocultural dissension. In: Gezalov AA, Mamed-zade IR, editors. *Dialog kul'tur i vyzovy sovremennoi epokhi* [Dialogue of cultures and challenges of the modern era]. Moscow: Kanon-Plyus; 2019. p. 200–207. Russian.
5. Davenport K. UN Acts on Mideast Zone Amid Doubts. *Arms Control Today*. 2015;45(10): 27–29.
6. Broder J. Unfinished Mideast Revolts. *The National Interest*. 2012;119:49–54.
7. Garaudy R. *Promesses de l' Islam*. Paris: Seuil; 1981. 179 p.
8. Engels F. *Krest'yanskaya voina v Germanii* [The Peasant War in Germany]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1952. 184 p. Russian.
9. Barnett R. Understanding the university. In: Gusakovskiy MA, Polonnikov AA, Korbut AM, compilers, editors. *Teoreticheskie voprosy obrazovaniya* [Theoretical education] [CD-ROM]; Minsk: Belarusian State University; 2013. p. 5–30. CD-ROM: 2,86 Mb. Russian.
10. Mamedov AK. Paradoxes of global security: the Middle East. *Theory of State and Law*. 2018;4:50–54. Russian.
11. Mamedov AK, Pisareva LYu. Globalization as a postmodern project: sociological optics. *Theory of State and Law*. 2019;4:85–95. Russian. DOI: 0.25839/MATGIP.2019.16.4.011.